

*Но знала чертова дыра
Родство сиротства – мы отсюда.
Так по родимому пятну
Детей искали в старину.*
Сергей Гандлевский, 1980

Бродишь по улочкам незнакомого зарубежного города, и что-то неуловимо напоминает тебе твою родину: то ли очертания этой группы домов, то ли взрыв смеха с балкона, то ли начинающаяся листва. Слышишь песню на языке, слов которого не разберешь, но как будто узнаешь ее: подобный мотив ты уже слышал, но это совсем разные страны и даже эпохи, авторы не могли быть знакомы друг с другом, это не навер, и даже не ретеллинг, и тем более — не плагиат. Даже люди могут встретить своих двойников, обладающих разной национальностью: об этом недавно было любопытное исследование. Лет в двенадцать я размышляла в стихотворении «Хранилище Великого Забвения» о том, что схожая идея может быть рождена дважды, а то и трижды, в не связанных друг с другом координатах времени и пространства.

Таковыми неожиданными двойняшками для меня оказались книги «На последней парте» венгерского автора Марии Халаши и «Поселок на реке Оредеж» петербургской писательницы Анаит Григорян. Говорить я буду преимущественно о второй, потому что о первой все самое важное уже написали, хотя и мало. На книжных прилавках толком нет ни второй, ни первой, что зря.

Книга Халаши написана в 60-е и посвящена острой проблеме «чужой, не таной, как все». Главная героиня — юная цыганка Кати Лакатош, ученица обычной венгерской школы, которая постоянно попадает в неприязности, потому что она — цыганка, другая, чужая. В 90-е годы имя Халаши

было забыто как в Венгрии, так и в России. Несмотря на то, что в книгах затрагивались проблемы тяжелого детства: нехватка родительского внимания и жестокость к детям, дискриминация и попытка найти свое место под солнцем, — их стали воспринимать исключительно в контексте просоветского дискурса, который в обеих странах утратил свою актуальность. Анаит Григорян написала «Поселок на реке Оредеж» в 2019 году. Протагонистка — тезка и ровесница Ланатош, подросток Нятя Номарова, вечно в ссадинах и с обкусанными ногтями. «На последней парте» — одна из книг, любовь к которым, заложенная в детстве, не вытравливается уже ничем; неудивительно, что, идя вглубь «Поселка...», я встречаю знакомые повороты сюжета и силуэт, который уже где-то видела...

Обе Нати родом из многодетных семей, живущих за чертой бедности. Смотрят на мир настороженно и, пожалуй, ничего от него не ждут. На добро реагируют по-звериному: когда в Венгрии продавщица Этуна хочет чем-то угостить Нати, та смущается и убегает, когда в поселке продавщица Олеся Иванна спрашивает, поела ли Номарова, та отнекивается, будучи очевидно голодной. В обеих книгах есть фигура учительницы, стремящейся понять: венгерская тетя Дерди, применяющая весь свой мотивационный спектр от кнута до пряника, от наказания за потерю роли для классного спектакля до приглашения к себе домой; безымянная поселковая учительница, говорящая Номаровой «можешь, но не стараешься» и обещающая подарить ей новенькую географическую карту за успехи в учебе. У Нати Ланатош — братья, бесталанный раздолбай Руди, который ей грубит, и Шаньо, чье поведение далеко от идеала; у Нати Номаровой — девятилетняя сестра Ленна, таскающаяся за ней, как хвостик, близняшки Анька и Светка, отстающая в развитии Ольга, вечно болеющий Саня и пропадающий в поселке Ваня, которому пророчат будущее, как у местного грозы района Антона Босого.

В обоих произведениях фигурирует мягкий пуховый платок как подарок судьбы. Номаровой белый платок достался от сердобольной попадьи Татьяны, которая фантически является ангелом-хранителем всего поселка и никому не отказывает в помощи. Для Ланатош небесно-голубая шелковая шаль цвета глаз матери, умершей рано, — последняя память о ней. Мама у Номаровой есть, но сложно сказать, что она выполняет свои родительские обязанности добросовестно, поскольку подвергает детей регулярному физическому насилию, вымещая на них всю злость за собственную нереализованность и угробленную жизнь. Восемь детей — плоды брака с человеком, который несколько лет назад стоял на платформе с сияющими глазами и говорил о большой любви, а в мрачном сегодня по-черному пьет и доставляет одни проблемы. Не имея своих детей, потому что «бог не дал», попадьи Татьяна, реализуя через заботу свой материнский инстинкт, становится Номаровой второй матерью: и приютит, если дома мать «дала звону», то есть как следует побила и наорала, и обогреет, и залагает порванную одежду, и накормит вкусными котлетами. Для девочек эти платки — что-то очень важное, теплое не только по форме, но и по содержанию, которое понятно только им. Примечателен и мотив бабушки в обоих произведениях: и Натина бабушка-цыганка, берущая с собой внучку торговать на рынке, и бабка Марья — искусные сказочницы, и хотя их истории и простые, они способны вложить в детское сердце куда больше, чем гомон улицы и грубые окрики матери.

Венгерский мальчик Нрайцар, показавший Нати увлекательный мир заброшенного кладбища, похож на Максима, который зовет Натю смотреть поезда. Поселок настолько «полон достопримечательностей», что если

для любого из городских жителей поезд — обычное дело, а метро — ежедневный квест, то для оредержских ребят это настоящее событие. В обоих случаях можно говорить о первой влюбленности девушек, появившейся в такой среде, где невозможно ни обговорить это с кем-либо, ни признаться в этом самим себе.

Даже лихорадка обеих Нать описана крайне схоже: спутанное, лоскутное сознание, одни люди становятся другими, потерянные вещи находятся легко и быстро, и болезнь в обеих книгах — не столько физиологическое происшествие, сколько подчеркнутая реакция на происходящее. Только если для Ланатош болезнь становится поворотным пунктом, благодаря которому к ней начинают приходить домой одноклассники и завязывается коммуниация, то для Номаровой зараза, подхваченная от брата Сани, — это открытый финал книги, где каждый из выходов будет по-своему спасительным. Если о ней кто-то решится заботиться, наконец, это будет хорошо. Если она погибнет, в этом тоже не будет ничего плохого: рена в Оредежи будет так же течь, Олеся Иванна так же будет обвешивать покупателей, а отец Сергей — крестить и отпевать. И вряд ли кто-то вспомнит, что Ната Номарова была заботливой сестрой, которая хоть и отбирала у Ленни восковых человечков, но сквозь время застыдилась и набрала в церкви воска для нового; которая натирает братика водной, как видела на чужом примере; берет Ленины проделки на себя перед грозным и безголовым Босым. Какая память, если впору спиться или утопиться?

Главная проблема, затронутая в обеих книгах, — дискриминация. Водораздел между «своими» и «чужими»: между цыганами и венграми течет огромный метафорический Дунай, между поселковыми и городскими разливаеся рена Оредеж. В отличие от цыганки Нати в венгерской школе, Ната Номарова хотя бы находится на своей территории, что дает ей сомнительное право нидать репьем в заносчивых снобов-городских, приехавших снимать дачи на лето. Она не в восторге от планов сестренки Ленни выйти замуж за городского: «Ному ты там нужна?», как будто каким-то образом прочитала книгу «На последней парте» и уже знает, что ждет неместную в городе, да еще и с ногами по колено в грязи. Все они, оредержские, презирают город, и это презрение — смесь страха и зависти. Зависти, потому что всем понятно, что там, куда увозит элентрична, — возможности. И не придется обдирать ножные цветочки с выходных туфель матери и «получать звону», и пряники там не лежалые. Страх, потому что уехавшие за Черту не возвращаются. У них там, в городе, семьи, дети, а навещать бабушку, работающую на железнодорожной станции, они как-то не спешат.

Мотив «чужой — значит, грязный» присутствует в обеих книгах. Тетя Бешке вряд ли является такой уж поборницей чистоты, каной она поназана в книге глазами Нати, ненавидящей мыться: ее стремление к чистоплотности привычно и понятно любому городскому жителю, в то время как «детям улиц» это не кажется жизненной необходимостью. Так происходит не из любви к грязи, а из-за дискомфорта, причиняемого процессом мытья: в поселковых дворах стоят неудобные бочки с ледяной водой, окатывающие целиком, и в сравнении с этой почти китайской «пытной водой» неудобства от знойного лета не кажутся такими нестерпимыми. О том, что такое теплая чистая ванна с пенящейся водой, эти девочки просто не знают. В их понятийном словаре такого нет. У Нати Номаровой нет желания уехать в город: ее даже на станцию влечет просто поглазеть, и не столько на товарняки, сколько на первую любовь — Максима; она понятия не имеет, что такое город и чем он хорош. Если бы кто-то привез

ее туда и показал, как там живут люди, она бы, возможно, имела цель. А сейчас лучше разглядывать мошек, бьющихся в окно, слушать, как воют выпи и волки, смотреть странные сны и не трогать вот это вот, городское, чужое. Ностин с его дерматитом, неуклюжий и добрый, — чужой, едва ли не хуже Антона Босого и его банды, потому что второй хотя бы понятен и привычен, а этот — что если возьмет и увезет Ленку в город, а это все-таки сестра и все-таки, наверное, любимая. Просто слова «любовь» у Натки Номаровой тоже нет. Она выучила те параграфы для продвинутых учеников в школе жизни, что про несчастья, а добрые страницы были вырваны и пущены на самокрутки, только уже в другой книге — дедушкой Нати Ланатос. Какая разница, из какой песни эта строчка, если все равно эти слова были скруены и стали тяжелым воздухом?

Я не могла не спросить, знакома ли Анаит с творением Халаши. И, получив отрицательный ответ, не удивилась. Испытала чувство, схожее с тем, как если бы несколько раз ударила кулаком по стене, не причинив бетону ни малейшего вреда, бессильная что-то изменить. Действие «Поселка...» современно нам, хоть и происходит в конце 90-х: можем ли мы считать, что что-то изменилось сейчас, двадцать лет спустя, если в Венгрии уже писали об этом полвека назад? Как ни крути эту Землю, на ней везде живут такие Нати. Живут Олеси Ивановны, которые принимают своих Петров и Юриев всей душой, а те и рады пользоваться, а потом готовы окрестить шалавой, потому что женщина всегда везде виновата — от этого литература долго не избавится, феминизм еще не победил до конца. Живут отцы Сергии, которые найдут для всех правильные слова, а для своей жены не найдут, лишь машинально, автоматически погладят по голове, такой же рыжей, как и в юности. Жизнь «без»: дети без родителей (при живых родителях), сапожники без сапог, все — без денег, большой любви и надежды.

Незаслуженно забытая Мария Халаши могла бы встать в один ряд со знаменитыми писательницами Астрид Линдгрен, Туве Янссон и многими другими. Почему бы этот ряд не пополнить и Анаит Григорян, которая есть у нас сейчас и дышит с нами одним воздухом? Анаит пишет жизнь, о которой мы, преимущественно дети города, могли бы вообще никогда не узнать. Мы часто удивляемся, а почему у некоторых на страничках «ВН» такая вопиющая безграмотность. Что за треш происходит в приложении «ДругВокруг», где алкоголички и зэки проводят прямые трансляции? Откуда берутся провинциальные сверхпробивные личности, готовые идти по головам? Или, наоборот, утратившие ценностные ориентиры, погружающиеся в болото из собственной нереализованности люди? Все они родом из этого же безымянного поселка, который лишь на первый взгляд — неприметная точка на карте, у него даже имени нет, есть у соседних, чуть побольше: вот Суйда, вот Сусанин, вот Семрино. Да и имя главной героини возникает далеко не сразу: с первых страниц, когда она появляется на исповеди в церкви, читатель вообще не признает в Номаровой девочку. Она кажется смурной и грустной женщиной, сполна познавшей жизнь, и после таной «прививки» читателю не разглядеть в ней легконового и веселого подростка, ноим она, возможно, никогда не являлась. «Раба Божия Екатерина», требует она, чтобы так к ней обращался сам Антон Босой. Мол, не властно надо мной ты и твои угрозы, только Богу я подчиняюсь, хотя вряд ли понимаю толком, что это такое или кто это таной.

В «Поселке...» нет ни положительных, ни отрицательных героев: плюсы и минусы, высыпавшиеся из мешочка личной истории каждого, ложатся так, что становятся звездочками. Каждый герой — «задача со звездочкой».

Даже не способный вызвать ни капли симпатии Антон Босой — не злодей, он всего лишь продукт этой фабрики, плод этого страшного сада. У поэта М. Недреновского есть строка: «Изделие спрашивает у мастера: зачем ты меня так сделал?» У него спросить: у пьющих или умерших родителей, у больной соседки, развешивающей трусы, или у попады, которая, наночнично, самый теплый человек — и с нестерпимой большой бедой, бесплодием и плохо выражаемой любовью мужа? Ответы на эти вопросы можно только выдумать, как отец Сергей выдумывает легенду, почему люди курят. Он и сам не знает. Слово Божие в книге — не абсолют и не способно исцелить ничьих мун. Не так важно, что за слова говорят, важно, кто их произносит. Оттого люди и стремятся в церкви: оттого, что верят. Но верят они не столько в Бога, сколько в человеческое к ним отношение.

Можно было бы сказать, что «Поселок...» — ренессанс деревенской прозы, и на этом остановиться, но нет. Это звание громкое, но ничего не объясняющее. Эта книга — не просто про деревню и то, как там живут, умирают, пьют и дерутся. Книга не для того, чтобы быть зрелищем под попкорн, это не смешно. Если Джордж Мартин через каждые несколько страниц убивает нового героя, то Анаит Григорян по кусочкам отрубает тебе веру в то, что «в деревне так хорошо жить, наверное». А потом ты вспоминаешь, что ты не Ната Номарова из поселка на рене Оредеж, и можешь максимум претендовать на роль Светки или Ностика и не получить никакой серьезной травмы там, в поселке, кроме репья в волосы и задранного подола, и становится хорошо, как будто из ледяной речной воды миглом перемещаешься в теплую травяную ванну со свечами по бортику.

Как бы ни были похожи книжка-венгерка и книжка-петербурженка, дело не в одинаковом имени, возрасте и условиях, в которых живут их героини. Подобно родимым пятнам, по которым узнавали детей в старину, на обеих лежит грязь общества, в котором они живут; дискриминационные клейма, и это — то, что не смыть ни в каком тазу с мылом у тети Бешке, ни под какой бочкой с ледяной оредежской водой. Даже персонаж совершенно иной культуры, Иватани Наофуми из японского аниме-сериала «Восхождение Героя Щита» — дальний родственник этих девочек, на котором — пятна той же грязи. Это классическая история попаданца в иной мир, где героя сразу дискриминируют, потому что, пока остальные герои сражаются с нолюще-режущим оружием, у Наофуми есть щит и мировая несправедливость. Позже он, конечно, научится делать с щитом такое, что не подвластно ни копыю, ни мечу, ни луку. Дальнейшие отсылки к фэнтези уже недопустимы, потому что Ната вышли из-под пера реалистов, и ничего, кроме грязных обкусанных ногтей, у них нет.

Когда-нибудь, через полвена, будет женщина, и она снова напишет про девочку Натю. Башкирская Натыра, норейская Ерин, испанская Наталина — да будет ли это важно, если речь идет об одной и той же девочке, меняющей национальность и место жительства, но не меняющей судьбу? И будет новый литературовед, который найдет эту статью, романы Халаша, Григорян и тот, свежий, и то ли с удивлением, то ли с ужасом поймет, что это сама жизнь пишет руками писательниц такой странной ретеллинг самой себя. Возможно, эта третья Ната будет жить в тайной плавучей деревне, мимо которой русские туристы, купив экскурсию по рене Квай, так часто проезжают в красивых лодках. И она обязательно будет чем-то в ного-то нидаться. Не репьем, так дурианом. А может, сразу все поймет, прочитает эти две книги, испугается, будет изо всех сил учиться и поступит в Оксфорд, и все у нее будет хорошо, и выйдет из матрицы.